

Александр Зорич

Бран

Часть сборника
У солдата есть невеста
(сборник)

Александр Зорич

Бран

«Автор»

2008

Зорич А.

Бран / А. Зорич — «Автор», 2008

Перед вами еще одна повесть родом из переливчатого фэнтези-мира, где происходит действие полюбившихся мечтательным читателям циклов "Пути Звезднорожденных" и "Свод Равновесия" – из мира Сармонтазары. И, возможно, поэтому ее главный герой, полководец по имени Бран, неуловимо похож и на эпического вояку Элиена, главного героя "Путей", и на галантного спецслужбиста Эгина, бессменного протагониста "Свода". Бран – гордец и буян, его душа добела накалена жаждой подвигов и славы, он чистоплюй и торопыга, и, подобно своим предшественникам Элиену и Эгину, вынужден на собственном опыте выяснять пределы своих возможностей. Но, как это случается с записными авантюристами, не всегда в состоянии самостоятельно залечить полученные раны... В центре повести классическая для европейской литературы коллизия – зрелая и оттого жестокая цивилизация борется за господство над некой северной территорией с варварами, на стороне которых молодость и везение. По сути это изначальный конфликт города и деревни, духа и почвы, причем окончательно разрешить этот конфликт в пользу одной из сторон не было под силу ни одной исторической эпохе. Вот и в Сармонтазаре льются реки человеческой крови – исторически и культурно обоснованной...

© Зорич А., 2008

© Автор, 2008

Александр Зорич

Бран

*243 г. Дохуммеровой Эры
Северная Сармонтазара*

Бран гнал жеребца галопом по широкой мощеной дороге, что соединяла столицу с приморским поселением Геррек.

Там, у самого берега, отдавшись колышущей тяжести осенних волн, стояли широкие, мощные корабли – собственность княгини Скелль. Их горделивые носы с чешуей изогнутых, сшитых внахлест досок обшивки наводили страх на все побережье моря Рейвенн. А те, кто плавали на этих кораблях, были известны и далеко за его пределами.

Говорили, что Ледовоокими пугали матери своих детей даже в тех краях, куда дружины и купцы Ледовооких еще не проторили дорожку. Кто-то скажет – дурная слава. Кто-то скажет, что слава не бывает дурной.

На одном из таких кораблей Брану и предстояло отплыть на континент, где пролегла граница княжества. С каждым годом эта граница отодвигалась все дальше и дальше на юг, кое-как тесня варваров.

Бран гнал коня, нещадно орудуя хлыстом. Он знал, что опаздывает, и всему виной – его необоримое желание увидеть на прощание невесту.

Теперь выходило, что несчастное животное, грудь и пахи которого были в белом пеном мыле, расплачивается здоровьем за его лирические прихоти.

– Потерпи немножко, Бел. На корабле отдохнешь, – увещевал коня Бран.

А снег все шел. И с каждым верстовым камнем, приближавшим Брана к морю, становился он все обильней.

Пустоши, леса, пашни на глазах делались белыми, новорожденно чистыми и печальными той особой печалью, что сопровождает всякую перемену, к доброму ли, к дурному ли.

Именно тогда, по пути в Геррек, Бран впервые признался себе, что в отличие от своих ледовооких сродников равнодушен к красотам снега. И хотя снегопад в дорогу искони считался знаком, предвещающим удачу, Бран не чувствовал радости.

А потом было море.

На восьми кораблях к Земле, так, по-простому, называли Ледовоокие континент, плыли, тесно сгрудившись на лавках, воины и их командиры, среди которых был и Бран. И паруса, на каждом из которых кичился герб Ледовооких – свивший спиралью хвост Белокрылый Змей – были щедро налиты ветром.

Еще восемь кораблей поскромней везли запасные доспехи и оружие – мечи, топоры, кинжалы, вязанки стрел – изделия лучших оружейников Урда. А также провизию, сбрую, палатки и прочую необходимую в военном хозяйстве ерунду.

Следом шли еще восемь приемистых кораблей с высокими бортами. Они везли лошадей, среди которых был и вороной Бел.

Штормило. Мореплавателям – двуногим и четвероногим – пришлось несладко.

Оторвавшись от весел, воины дружно опорожняли за борт желудки, а потом сосали лед – не простой, заговоренный. На какое-то время лед помогал. Увы, ненадолго.

А вот кони, лишенные возможности прибегнуть к испытанным средствам, страдали немилосердно. На время путешествия их привязывали к массивной дубовой балке, что служила одновременно и поперечной распоркой для бортов, и основанием мачты. На голову скакунам надевали холщовые мешки. Под хвосты подвязывали торбы.

Попервой животные буянили: пытались кусаться, брыкаться, осаживать, но потом стихали этак безысходно, растратив впустую все силы. Вторую половину пути они вели себя

смирно – исподволь сходя с ума от качки и воды, что лилась непонятно откуда им на головы, странной горько-соленой воды, которую нельзя пить.

Когда одноглазый кормчий корабля, шедшего первым, прокричал «Земля!», когда эта благая весть посредством сигнальных светильников была передана с корабля на корабль, дружинники испустили единый вопль ликования.

Пожалуй, даже трудной победе в неравном бою воины Ледовооких не радовались так истово.

Брану и его солдатам предстояло нести службу в небольшом городе именем Ларса. До Ларсы было десять дней пути и уже с первого дня Брана мучили дурные предчувствия.

А когда на шестой день люди Токи – так звали командира младшей дружины – отделились от них и пошли на восток в поселение Стурр, мысли Брана стали и вовсе чернее тучи.

Да, он отличался чувствительностью, для полководца совсем нежелательной.

Близ урочного камня, который звался Медвежьим Пупком, на перекрестке двух дорог, Токи попрощался с Браном.

– Пусть остаются твои сердце и ум холодными, как предвечные воды, любезный Бран, – сказал Токи. Он был коренастым, невысоким и невероятно серьезным человеком. Его русая борода была заплетена в две косы.

– И тебе здравия, любезный Токи, – сказал Бран, положил на грудь ладонь левой руки и удостоил товарища долгого церемониального кивка – так равный прощается с равным.

И, помолчав, крикнул уже в спину воинам младшей дружины:

– Удачи тебе и твоим людям!

Однако знаки, примечать и понимать которые Бран был научен с детства, никакой удачи отряду Токи не сулили.

Одиннадцать воронов вились над черно-белой пустошью слева от дороги. В отряде Токи было четыре серых лошади, и все кобылы. А сам Токи поутру говорил Брану, что накануне видел странный сон – будто на лице у него вскочил гнойный чирей величиной с грецкий орех, который рос да рос, пока не лопнул.

За утренней трапезой Токи пытался даже шутить по этому поводу.

«Это, видать, к деньгам. Я, братья, не шибко в этих материях смыслю, но если говно снитися к деньгам, то и чирей, должно быть, тоже. Ведь чирей по сути – говно.»

Тогда, за завтраком, Бран лишь кивал Токи да похохатывал, без охоты пережевывая волокнистую соленую рыбу. Свою разгадку сна он решил Токи не раскрывать.

«Прорвавшийся чирей на лице – к потере лица. А что есть потеря лица для военачальника? Правильно. Поражение. Позорное поражение.»

Глядя на то как уползает по раскисшей дороге в неизвестность отряд Токи, Бран мучительно размышлял над своим решением.

Может быть, нужно было все же растолковать Токи его сон? Тогда тот смог бы подготовиться как следует к ожидающим его испытаниям? Был бы начеку?

Вскоре Бран убедил себя, что поступил правильно.

В конце концов, он ведь не гадальщик, не маг, не жрец. Чего стоят его толкования? И потом, ему ли не знать, что даже верные вещие сны иногда не сбываются, что ошибаются даже несомненные оракулы. Ведь боги – они как люди, тоже не прочь иногда передумать.

Самому Брану сны как назло не снились с самой столицы – ни вещие, ни обычные.

Словно бы повелевающая сновидениями Олеви-Нелави, которую Ледовоокие зовут также Играющей-на-Свирели, ибо звуки этой свирели в мире людей превращаются в сны, обиделась на него и сочла его недостойным своей музыки?

Знаков Бран также почти не примечал. А если и примечал, то все какие-то кособокие, непонятные. Вот заяц дорогу перебежал – к прибыли. Но заяц прихрамывал – а это уже к несчастью... Двусмысленность указаний судьбы Брана страшила.

«Хлопотно быть таким суеверным...»

Впрочем, для тревоги у него были и вполне земные основания.

Корабли, как всегда приставшие к берегу у Красной Косы, никто не встречал.

Ни гонцы, ни провожатые, ни праздный люд. А ведь, бывало, не то что целый караван, один корабль причалит – а к нему уже сбегаются рыбаки, китобои, их крикливые детишки. Кто – попрошайничать, кто – предлагать свои услуги, а кто и просто – поглазеть.

Но в этот раз никого не было. Над дальней деревней дружественных оседлых варваров даже дымок не курился. Словно вымерли все.

Да и по дороге в Ларсу отряд Брана не встретил ни одной живой души.

Неужто, прознав об их приближении, все окрестные жители попрятались?

Объяснение могло быть только одно – варвары снова объединились. И, забыв старые междоусобия, зачали новую войну.

Когда до Ларсы оставался один день пути, отряд Брана встал возле старинного каменного жертвенника. Формой тот напоминал восставленный в небеса меч, цветом – зимние сумерки.

Жертвенник был воздвигнут Ледовоокими в незапамятные времена покорения этих скудных земель. И посвящен он был всем богам скопом.

Всякий путник был волен выбирать, какому из божеств принести на нем кровавую жертву.

Хочешь – чествуй Олеви-Нелави. Хочешь – Белокрылого Змея. А хочешь – саму княгиню Скелль, которая, и это известно всякому, является земным воплощением суровой, но справедливой Матери Снегов.

Вначале Бран хотел пройти мимо жертвенника, оставив его без приношения. Очень уж ему хотелось попасть в Ларсу поскорее. Шторм спутал все планы и они добрались до Земли почти на неделю позже срока. Да и на побережье задержались – кони, которых было двести восемьдесят голов, так одичали и озлобились за время морского путешествия, что не давали себя оседлать.

Но как следует рассмотрев жертвенник, у подножья которого словно бы клубилась грозная, неведомая сила, Бран все же решился.

Жертва возвысит его дух и развеет дурные мысли!

Тем более, что в обозе имелись для такого случая белый баран и черный козленок. Стреноженные животные смиренно дожидались своей участи на тюках с фуражом.

Солдаты встретили решение Брана одобрительным гомоном. Иные даже принялись стучать в щиты, будто праздную победу.

Оно и понятно: жертвоприношения любили все. И для такой любви были причины.

Море обессилило не только лошадей. Солдаты тоже выглядели неважно – тощие, растерявшие прежнюю молодцеватость, сутулые, желтолицые, словно и не подкрепление вовсе, а изношенные войной ветераны. Бедолаг радовала всякая возможность праздновать лодыря вместо того, чтобы наматывать положенные уставом лиги.

Вдобавок, каждый из солдат знал: ему непременно перепадет шмат жертвенного мяса.

Ведь боги они что в жертве предпочитают? Верно, запах крови. Запах.

А само сытное, мускусное, баранье мясо могут съесть за них и люди. Богам так даже больше нравится.

Жертвоприношение Бран совершил сам, хотя не был ни жрецом, ни магом.

При свете ярко пылающего костра, что разожгли по его приказу у подножия жертвенника, он решительно перерезал горло белому барану, ноги которого были перевиты теперь особыми шелковыми лентами. На каждой ленте рукой жрицы была вышита посвятельная надпись. Целый клубок таких лент Бран вез в бауле с личными вещами.

Животное нелепо вздрогнуло под ножом, в последний раз мотнуло неразумной головой и покорно затихло. Как видно, давно подготовилось к такому обороту дел...

Тугая кровь быстро заполнила ложбинку в камне жертвенника, которой резчиком была придана форма спирали – знака Белокрылого Змея.

В ноздри Брана ударил мутный дурманящий пар.

– Прими наш дар, о Белокрылый Змей. И помоги нам в нашем деле, – громко, но без обычного для жреческого сословия пафосного завывания провозвестил Бран, глядя в черные, без облаков небеса, кое-где присыпанные блестящим крошевом мелких звезд.

Теперь нужно было выждать положенные минуты.

Лица осунулись, окаменели. А что если Белокрылый Змей, старинный покровитель Ледо-вооких, в чьем существовании на Северных островах никто не сомневался, ибо многие видели его собственными глазами, не примет жертву? Если гневается? Или просто занят своими божественными делами?

Бран тоже нервничал, несмотря на притворную беспечность.

Но когда кровь с жертвенника начала наконец испаряться, сначала беззвучно, а после – с едва слышным, холодящим хребет шипением, на лице Брана расцвела счастливая улыбка.

«Это значит, совсем плохо не будет...»

Когда спираль жертвенника опустела, Бран поблагодарил Белокрылого Змея за то, что тот услышал его мольбы. Он стащил обмякшую баранью тушку с каменного постамента, продолжающегося украшенной человеческими черепами стелой. Рога жертвенных быков, венчающие стелу, окутало золотом мерцающее облако.

«Так и должно быть...»

С облегчением вздохнув, Бран передал тушку ожидавшему своего часа повару.

Теперь его, поварская часть работы. Не такая почетная и ответственная, но тоже довольно-таки хлопотная. Освеживать тушу, разделать ее, приготовить, да так, чтобы каждому из ста двадцати человек досталось хотя бы сухожилие...

Но миссия Брана еще не была окончена.

Если баран предназначался Белокрылому Змею, то козленок вовсе не был жертвой. Он требовался для гадания.

Форма его внутренностей должна была указать Брану ближайшее будущее. Если печень и сердце животного окажутся здоровыми, правильной формы – жди успеха. А если нет...

Быстрый посвист меча – и Бран снес козленку голову. Малыш даже не успел проблеять последнее «прости». Бран перевернул тельце на спину и, вонзив меч в грудину, медленно вспорол живот, покрытый шелковыми завитками шерсти. Затем отер меч о нежный, чистый бок животного и возвратил его ножам.

Еще несколько мгновений Бран медлил в нерешительности, стоя перед жертвенником с закрытыми глазами.

Тишина была такой совершенной, что было слышно, как падает снег.

Наконец Бран захватил сильными пальцами края разреза и, как раскрывают книгу, раздвинул их в стороны.

На каменное ложе жертвенника хлынули склизкие бурые кишки. Костер у подножия любознательно затрещал.

Солдаты затаили дыхание.

Помимо собственно предсказательного был у солдат и обыденный интерес. Если внутренности козленка посулят удачу, его тушку присокоупят к тушке барана и тогда в солдат-

ской миске с гречей будет плавать не один, а целых два кусочка свежины. А вот если предсказание окажется неважным, труп козленка отнесут в поле, за лагерную межу, и бросят воронью – пусть, мол, склюет к такой-то матери все грядущие неудачи.

Бран сосредоточенно разглядывал внутренности животного.

Конечно, корифеем в таких делах он не был, хотя сызмальства наблюдал за гаданиями в храме Анумана на правах служки. Но ведь и гадание он выбрал самое простое – по сердцу и печени.

«Печень вот она... Печень как печень. Не сказать, чтобы увеличенная или увечная. Нормальная, обычной формы. А вот сердце – где же сердце?»

Долго Бран щупал теплые козьи потроха пальцами, поначалу стараясь не испачкать дорожное платье, а под конец уже наплевав на всякую аккуратность.

Наконец Бран ощупью отыскал его.

Сердце козленка было холодным. Да что там холодным!.. Ледяным!

Возможно ли это – чтобы среди теплых потрохов... у здорового животного... и, главное, неужели это и есть взыскуемый знак?

Ледяные иголки впились в большой и указательный пальцы Брана, сжимающие сердечко. Холод, исходящий от него, был агрессивным, жалящим.

Но Бран не замечал этого. Он размышлял над тем, как понимать данный ему знак.

Ни с чем подобным он раньше попросту не сталкивался.

Что же теперь сказать солдатам? Печень нормальная – это благоприятно. Сердце есть – это хорошо. Но оно... твердое как камень. Ледяное.

Плохо это? Или не очень? Итак, соврать им, что все прекрасно? Или напугать, чтобы не расслаблялись? Брана учили, что солдатам нужно говорить правду и он, дебютант среди княжеских военачальников, еще слишком хорошо помнил свое ученье... Но как можно сказать правду, когда этой правды не знаешь сам?

Наконец, Бран решился. Он величаво сошел с жертвенника, встал спиной к раздухарившемуся, высокому уже костру и, прочистив горло, провозвестил:

– Белокрылый Змей шлет нам дурное знамение!

Солдаты приуныли.

– Но он твердо обещает нам свое божественное покровительство! – добавил Бран. – Гадание объявляется благоприятным!

Бран увидел Ларсу в сумерках следующего дня.

Он и двое его приближенных командиров – Хенга и Слодак – стояли на поросшем хилом березняком холме. Оттуда открывался познавательный вид на окрестности.

Дорога серой змеей ползла к черному, безмолвно раскорячившемуся чудовищу мертвого города и исчезала в его пасти – в растворе городских ворот.

По дороге, к холму, на котором стоял Бран, двигались трое всадников.

Это были гонцы, высланные Браном два часа назад.

Да, ему хотелось знать, что скажут гонцы. Хотя и без них главное было ясно: город разорен, разграблен, сожжен.

Остальное – кем сожжен, давно ли, кто уцелел – лишь детали.

– Только не говорите мне, что я трус и паникер, – начал сотник Хенга, разменявший пятый десяток мужчина с бородавчатым лицом. Он выбился в командиры из рядового мечника и этим невероятно гордился. – Но я, братцы, так и думал!

– Да полно заливать-то, Хенга, – спесиво прищурившись, отозвался его молодой товарищ, родовитый Слодак, Брану он был ровесником. – Помню, вчера мечтал, как в бане нежиться будешь, когда до Ларсы доберемся... Мечтал?

– Вроде мечтал, – мрачно подтвердил Хенга. – Но одно дело мечтать. Другое дело – задницей чувствовать!

– Шел бы ты со своей задницей... Строишь тут из себя, – раздраженно проворчал Слодак.

– Ты сначала повоюй с мое! Тоже, небось, строить начнешь...

Вот так всегда. Когда дела идут сносно, Хенга и Слодак – не разлей вода, а солдаты друг другу – товарищи и братья. Но стоит только ветру донести запах тлена – и сразу раздоры, ссоры, а то и поножовщина.

– Ладно, хватит, – одернул спорщиков Бран. – Нужно подготовить людей. Особенно новобранцев.

– Уж я их подготовлю... Эх, подготовлю! – криво усмехнулся Хенга, со значением похлопывая хлыстом по ладони.

– А ты, Слодак, – продолжал Бран, – удвой охрану обоза. Твои пойдут замыкающими. Если вожди глевов устроили засаду... Ну, ты понимаешь.

Слодак сдержанно кивнул. Он всегда понимал Брана правильно.

В город они вошли затемно – Бран решил заночевать под защитой крепостных стен.

И хотя в стратегическом отношении это решение сулило некоторые выгоды, в остальных оно оказалось весьма спорным.

Новобранцы, которых с Браном было под тридцать, восприняли открывшееся их взорам зрелище чересчур близко к сердцу.

Увы, они еще не успели подружиться со всемогущей госпожой по имени Привычка. А без ее дружбы грядки разлагающихся, изрядно поклеванных вороньем трупов, каковые варвары не поленились разложить вдоль главной городской улицы, что соединяла северные ворота с южными, выглядели устрашающе. Особенно – в призрачном свете молодой луны.

Некоторых рвало.

Другие безостановочно ругались вполголоса.

Третьи молча молились своим духам-покровителям, не реагируя ни на приказы, ни на уговоры.

А неповоротливый и медлительный детина Гуз, над ним без устали подтрунивал весь отряд, и вовсе вывалился из седла, когда его лошадь шарахнула вбок, испугавшись юркой крысы. Брюхо у крысы было круглым, тугим, лоснящимся – от обильного мясного питания.

Нелепо раскинув руки, Гуз свалился в озерцо бурой грязи и обдал загодя спешившихся товарищей веером тяжелых брызг. Его буланая кобыла, отскочив в сторону, принялась отбивать задом – она отчаянно пыталась достать копытами врага, существовавшего только в ее воображении.

Все это выглядело довольно комично. Но никто не смеялся.

Лошади, казалось, были напуганы не меньше людей – многие из них тоже попали на войну впервые. Даже опытным конникам стоило больших трудов удерживать животных в повиновении.

Ни о каком соблюдении строя речь более не шла. Сохранить бы видимость хладнокровия...

Бран шел одним из первых, ведя Бела под уздцы – словно бы довершая череду несчастий, его любимец охромел.

Стараясь вдыхать как можно реже, он жадно смотрел по сторонам, мысленно воссоздавая картину того, что произошло в Ларсе три, самое большее четыре дня назад.

Прибегнув к некоей хитрости, не исключено, колдовского свойства, варварам удалось проникнуть за ворота и перебить ночную стражу. Затем нападающие отперли ворота (а может быть, при помощи лестниц перебрались через крепостной вал и невысокую стену). И учинили в городе резню.

Дело было ночью, судя по тому, как были одеты погибшие – кто в ночном платке, кто в домашней рубахе.

Не без труда подавив сопротивление захваченных врасплох профессионалов – а их в Ларсе никак не могло быть больше сотни – глевы добились раненых. Один удар топором в основание черепа – и раненый превращается в мертвого.

Затем они захватили в рабство немногочисленных женщин, что жили вместе со своими семьями в домишках, прилепившихся к городским стенам. Перебили мужчин-ренегатов – оседлых варваров, что запятали себя мирным сожительством с Ледовоокими. Основательно разграбили склады, амбары, жилые помещения и мастерские, увели из конюшен всех лошадей, а из хлевов – скот. Напоследок сняли с воинов хоть сколько-нибудь стоящие доспехи, платье, обувь и нательные украшения. Подожгли все, что только могло гореть. И были таковы...

– Какие будут распоряжения? – спросил Слодак.

Он старался держаться со сдержанной непринужденностью, но Брану было ясно – увиденное потрясло его до глубины души. Глаза Слодака блестели окаянным блеском, а его пухлогубый рот искривила капризная гримаса. Да оно и понятно. Одно дело собирать дань по хуторам (раньше они со Слодаком занимались в основном этим) да брать с лету вредные пиратско-"рыбацкие" городишки Западного Аспада. И совсем другое дело наблюдать, во что превращается «взятый с лету» городишко спустя три дня.

Но хуже всего был запах. Невыносимо густой, гадкий и сладенький, он подымался от стывших изуродованных тел и стелился над остывшей землей.

Этот запах проникал, как казалось, не только в легкие, но и в самые сокровенные уголки души, заражая их паршой богооставленности...

Не в силах более вдыхать вязкую отраву, Бран снял нашейный платок, кое-как на ходу смочил его крепким вином из поясной фляги и связал его концы узлом на затылке так, чтобы материя, касаясь переносицы, закрывала рот и нос.

– Какие будут распоряжения, благородный Бран? – повторил Слодак. – Мы уже у южных ворот. Нужно что-то решать.

– Что? А-а, распоряжения... Первым делом – похоронить трупы. Со всеми почестями. И пусть жрец свершит соответствующие очистительные обряды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.